

И. А. Грачев

КЛАДБИЩЕ КАК ИНФРАСТРУКТУРНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ААЛЬНОЙ ОБЩИНЫ ХАКАСОВ В XIX–XXI ВВ.

В статье дается историографический обзор концепций и подходов русской и советской этнографии к изучению социальной структуры народов Сибири. На основе историографического анализа показана тесная связь административной политики Российского государства в отношении народов Сибири и реализованных научных концепций. На основе собственного полевого материала и архивных данных, касающихся типов традиционных поселений и соответствующих им кладбищ, делается вывод о корреляции социальной организации типа поселения, с одной стороны, и типами кладбищ — с другой. Выявлена роль кладбища как одного из элементов инфраструктуры поселения.

Ключевые слова: социальная организация, кладбище, погребальный обряд, хакасы.

Igor A. Grachev

THE CEMETERY AS AN INFRASTRUCTURE ELEMENT OF AN AAL COMMUNITY OF KHAKAS IN THE XIX–XXI CENTURIES

In article the historiographic review of concepts and approaches of the Russian and Soviet ethnography in studying of social structure of the people of Siberia is given. On the basis of the historiographic analysis close connection of administrative policy of the Russian state for the people of Siberia and the realized scientific concepts is shown. On the basis of own field material and contemporary records concerning types of traditional settlements and types of the cemeteries corresponding to them the conclusion about correlation of the social organization like settlement, on the one hand, and types of cemeteries, with another is drawn. The cemetery role as one of settlement infrastructure elements is revealed.

Keywords: social organization, cemeteries, funeral ceremony, Khakas.

В отечественной этнографии изучению аальной общины как основной формы общежитного устройства хакасов и их предков до недавних пор уделялось мало внимания. В гораздо большей степени исследовались такие формы социальной организации, как племя и род [Потапов 1957; Долгих 1960]. Такое положение дел было обусловлено, с одной стороны, исторически сложившейся системой администрирования коренного населения Сибири, берущей свое начало еще в XVII в., с другой — академическими традициями научного сбора, описания и интерпретации сибирских этнографических материалов.

Система администрирования народов Сибири предусматривала фиксацию социальных, политических и фискальных взаимоотношений, сложившихся между государственной администрацией и группами коренного населения на момент их включения в состав империи. В этот период основными движущими мотивами властей были замирение и обложение местного населения ясаком, который назначался не индивидуально, а коллективно, что с учетом высокой мобильности населения приводило к появлению множества существовавших только на бумаге земель и родов [Козьмин 1925: 134]. Бюрократическая машина постоянно предпринимала попытки уточнить и закрепить фискальные обязательства нового населения империи. Одним из феноменов этого процесса стало появление так называемого административного рода, по существу никак не связанного с фактическими родовыми структурами коренного населения. Однако все попытки упорядочить систему приводили к еще большей путанице. Так, уже во времена Миллера крайне сложно было идентифицировать целый ряд земель и родов, их населяющих [Миллер 2005], а высокая степень инфильтрации местного населения [Патканов 1912], происходившая на протяжении всего XVIII — начала XIX в. как в широтном, так и в меридиональном направлениях, не облегчала поставленной задачи. Ситуация усложнилась в конце XVIII — начале XIX в. с началом масштабной русской колонизации края [Козьмин 1925: 90–107] и связанного с ней перемещения местного населения с мест его постоянного проживания. Во времена Палласа еще существовала двойная система управления инородцами, заключающаяся в одновременном

существовании земель и улусов, а управление осуществлялось из двух центров — Кузнецкого и Красноярского острогов. Таким образом, все население бассейна среднего Енисея, представлявшего собой единый географический регион, было разделено между двумя губерниями — Томской и Енисейской.

Министр Балашов следующим образом формулировал задачи упорядочения администрирования Сибири: «...каждому из мест составить устав и каждому лицу дать инструкцию» [Там же: 137]. Реальным воплощением этого подхода стала реформа 1822 г., принятая Сперанским. Вся территории бассейна среднего Енисея была разделена на четыре территориальных дистрикта — степные думы, за каждой из которых были закреплены определенные административные роды инородцев. Можно сказать, что с реформой Сперанского, осуществившейся на месте красноярским губернатором Степановым, окончательно победил территориальный принцип администрирования коренного населения. Несмотря на то что реформа не смогла воплотить в жизнь основную идею, ради которой и затевалась, она имела судьбоносное значение для развития хакасской народности. Так, под воздействием реформы сложились три основные территориальные группы хакасов — сагайцы, качинцы и кызыльцы — и начались процессы оседания коренного населения и хозяйственной модернизации края. Как можно видеть, в сфере государственного администрирования родовой принцип полностью уступил место территориальному.

Следующим существенным шагом в направлении территориально-административного разграничения региона нужно считать советский период. В 1930 г. была образована Хакасская автономная область, которая в 1992 г. стала полноправным субъектом Российской Федерации — Республикой Хакасия. Внутри области и республики не предусматривалось территориального разделения по этническому или родовому принципу, что дополнительно стимулировало разные территориальные группы хакасов к дальнейшей консолидации. Здесь необходимо отметить, что разделить республику по этническому принципу было проблематично уже в начале XX в. вследствие преобладания здесь русского населения. Но даже окончательная победа территориального принципа в практиче-

ской сфере административного управления и устройства края не повлияла на широко распространенную в научной среде идею о существовании родовой организации коренного населения.

Что касается научного подхода, то на протяжении трехвековой истории изучения южносибирских тюрков племя и род являлись концептуальной основой для описательной и теоретической этнографии региона.

На первом этапе исследований, в XVIII в., такой подход инспирировался в первую очередь государственным бюрократическим аппаратом, ставившим своей главной целью в изучении региона создание подробной ландкарты Сибири. Реализуя таким образом принцип «Чтобы управлять, нужно знать», государственный аппарат прилагал постоянные усилия в этом направлении. Ограниченность государства в средствах и возможностях привела к тому, что основным инструментом исследований стал метод анкетирования местных администраций, проводивших опросы служилых людей и представителей коренного населения согласно содержащимся в анкетах вопросам. Автором первых анкет были Я. В. Брюс и В. Н. Татищев, затем их дело продолжил Миллер, активно пользовавшийся не только анкетами В. Н. Татищева, но и собственными инструкциями для участников Второй Камчатской экспедиции [Татищев 1950]. Материалы широкого анкетирования были подкорректированы тремя масштабными полевыми проектами, известными как академические экспедиции.

Такой подход на первых порах принес прекрасные результаты в виде изданного во второй половине XVIII в. корпуса академических работ, посвященных истории и этнографии народов Сибири [Миллер 1750 (2005); Георги 1776; Паллас 1773–1788]. Наиболее масштабным итогом в области этнографии стал труд И. Г. Георги «Описание всех в Российском государстве обитающих народов, так же их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей» [Георги 1776]. Разделив все население империи по племенам и народам, автор привел исторические сведения об их происхождении и родстве, а также дал структурированные описания их быта, верований, обычаев и материальной культуры.

Следующим этапом стали исследования, проводившиеся в XIX — начале XX в. На протяжении всего XIX в. предпринимались попытки выявления, уточнения родо-племенного устройства и происхождения предков современных хакасов. В середине XIX в. появились и первые работы, основанные на статистических материалах. Так, для изучения социальной организации предков хакасов большое значение имеют данные, приведенные Н. Костровым, указавшим, что во время реформы 1822 г. в Сагайской думе из 108 отмеченных селений 64 имели разнородный состав, а в Кызыльской думе этого времени только в двух селениях жили представители одного рода [Костров 1852: 28]. Подводя научный итог этому периоду, Л. П. Потапов писал:

В дореволюционной литературе принято было много писать о «дикости», о «первобытности» алтайцев, но сколь-либо специального и серьезного изучения общественного строя алтайцев (под таким названием известны ойроты в научной литературе) сделано не было. Анализ исторического процесса заменялся категорическим утверждением, что ойроты жили «родовым строем», «родовым бытом». Наиболее крупные исследователи, утверждавшие о существовании у алтайцев родового строя — Радлов, Ядринцев, Вербицкий, Швецов и др., не обладая подлинно научным критерием для определения общественного строя, по существу, выдавали за «родовой строй» его пережитки, сохранившиеся особенно в семейном быту, религиозных воззрениях, родовых названиях и т.д. [Потапов 1932: 56].

Все написанное Л. П. Потаповым относительно изучения алтайцев применимо и к работам о хакасах. В конце XIX — начале XX в. увидели свет труды, посвященные этому вопросу [Катанов 1909: 265–288; Аристов 1896; Патканов 1912]. Работы Н. А. Аристова и в еще большей степени С. К. Патканова основываются на проверенном статистическом материале. С. К. Патканов в работе «Статистические данные, показывающие племенной состав населения

Сибири» [Патканов 1912] на материалах переписи 1905 г. и с использованием большого корпуса исторических документов создает всеобъемлющую (в широком диахроническом диапазоне) картину миграций (перемещений, смешивания, ассимиляции) и смены административного подчинения тюрок Саяно-Алтайского региона. В 1905 г. в своей работе «Троеверы» [Лаппо 1905] Д. Е. Лаппо, определенно высказываясь по поводу соотношения административных родов минусинских инородцев и их действительной родовой организации, писал:

Не надо смешивать нынешнее родовое управление кочевых инородцев по Положению 1822 г. с естественными родами минусинских инородцев, костями их, сеоками — этими пережитками древнейшей жизни, когда весь их жизненный строй был проникнут естественными родовыми началами... [Лаппо 2010: 159].

В той же работе, приводя свидетельства коренного населения, автор отмечает:

Правда, сеоки ныне, по выражению самих инородцев, смешались и разбились, но кое-где, наперекор стихийной силе закона, живут, отправляя функции публичной власти, как, например, выборы эсаулов и сборы податей у качинцев в Белоюсском, Бирском и некоторых других родах [Там же: 160].

Своеобразным итогом дореволюционной этнографии края, посвященной социальной организации традиционного общества, можно считать вышедший в 1925 г. в Иркутске историко-этнографический очерк Н. Н. Козьмина «Хакасы». Главным теоретическим результатом очерка стало выделение «двух хозяйственных типов» — скотоводов-кочевников и таежников земледельцев [Козьмин 1925: 113–132]. Выделяя два типа хозяйствования и обосновывая их наличие прежде всего природно-географическими факторами, Н. Н. Козьмин подчеркнул и некоторые особенности

их социальной организации. Для первого типа было характерно летнее кочевание богатой верхушки при наличии постоянных зимников, заселенных беднотой, для второго — наличие постоянных поселений, сложных систем мелиорации и артельный характер организации труда [Там же].

С установлением советской власти вопрос о социальной организации хакасов и их предков получил новое звучание в русле парадигмы классового стадийного развития общества. В 1933 г. вышла работа С. В. Киселева «Разложение рода и феодализм на Енисее» [Киселев 1933]. Эта работа стала своеобразным манифестом нового подхода, сформулированного автором следующим образом:

Постепенно занимая в XVIII в. Минусинскую котловину, московские и петербургские власти разрушали, по-видимому, феодальную местную верхушку, заменяя ее новой администрацией позднефеодальной России. Но, разрушая или вытесняя местные феодальные верхи, новая администрация, по-видимому, использовала старую систему низового управления — всех этих полуфеодальных старшин родов, которые после длительных реорганизаций и образовали известные «инородческие думы» или «управы» XIX в. Мы видим, таким образом, что еще феодальная, по существу петербургская, Россия XVIII — начала XIX в. только заменила собой старую феодальную верхушку у енисейских народов, оставив прежнюю, эпохи местного феодализма, низовую организацию, и только близорукость этнографов, не изучавших национальные районы в целом, а гнавшихся за колониальной экзотикой, не позволила им видеть в так называемой родовой организации «народцев» Минусинского края «существенно измененный в карикатурном виде» существовавший в феодальном обществе древний уклад. Такая существенная «измененность и карикатурность» древней родовой организации в условиях хакасского феодализма объясняет,

как кажется, и ту быстроту, с которой во второй половине XIX в. происходило выделение из среды верхушки феодальной аборигенной деревни местного национального кулачества.

Детальное изучение этого периода истории Минусинской котловины должно стать теперь первоочередной задачей и для археологов, и для этнографов, историков и языковедов, так как здесь кроется завершение ясного представления о национальной культуре так называемых хакасов [Киселев 1933: 31].

Одним из тех, кто поддержал подход С. В. Киселева, был Л. П. Потапов. В 1932 г. выходит его статья «Исторический путь Ойротии» [Потапов 1932], где он подвергает детальной критике родовую концепцию применительно к южносибирским тюркам. В 1948 г. в своей работе «Из поездки к “сагайцам”» Л. П. Потапов выразился еще более определенно:

Известно, что в старой литературе «сагайцы» обычно относились к племенам, находившимся на стадии родового строя. Это неверное, антинаучное представление опровергается результатами работы экспедиции. Родовые, первобытнообщинные отношения были отмечены здесь только в виде слабо сохранившихся пережитков. Отношения по производству давно сложились здесь, как отношения эксплуататорские [Потапов 1948: 63].

Итогом изысканий в этом направлении стала работа Л. П. Потапова «Происхождение и формирование хакасской народности», вышедшая в Абакане в 1957 г. [Потапов 1957]. В этой работе автор полностью отверг как родо-племенное происхождение хакасов, доказав их этническую многокомпонентность, так и родо-племенное устройство их социальной организации [Там же: 277–278]. Основную силу, оказавшую влияние на формирование хакасов как народа, Л. П. Потапов видел в исторической роли Российского государ-

ства, проводившего на территории Южной Сибири специфическую административно-территориальную политику [Там же: 277].

Такой подход имел и существенный недостаток. Так, вопросы, связанные с первоначальным этногенезом и формированием этничности, оказывались за пределами исследования.

Итогом исследований родового строя народов Сибири в контексте русской колонизации стала вышедшая в 1960 г. фундаментальная работа Б. О. Долгих «Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в.» [Долгих 1960]. В этой работе на основе детального разбора исторических документов была предпринята попытка картирования родовых групп народов Сибири в XVII в. С выходом в свет работ Л. П. Потапова концепция родового строя не исчезла из научной литературы окончательно, под видом «родовых пережитков» она просуществовала до конца XX в.

К концу 90-х годов XX в. двойственность концептуального подхода стала очевидна: с одной стороны, обреченность родовой — социально-биологической — концепции и ее роли в изучении социальных отношений народов Сибири, с другой — выявились и серьезные проблемы, связанные с применением социально-политической концепции С. В. Киселева — Л. П. Потапова. Эти проблемы были озвучены в совместной работе А. М. Сагалаева и И. В. Октябрьской, посвященной традиционному мировоззрению тюрков: *«Нельзя утверждать, что род — исходная форма социальности в широком смысле слова»* [Сагалаев, Октябрьская 1990: 9]. Таким образом, авторы осознавали несостоятельность изначальной ведущей роли рода в этносоциальных процессах, отводя ему место морфологической единицы в этносоциальной структуре: *«Мы полагаем, что сеок (род) можно рассматривать как основную морфологическую единицу этносоциальных структур тюркских народов Южной Сибири»* [Там же: 12]. В то же время авторы попытались сохранить значимость рода в процессах этнической консолидации сибирских народов:

Долгое время он являлся наиболее устойчивым и минимальным элементом, в пределах которого была сосредоточена этническая специфика. По мере размы-

вания традиционных экономических и этносоциальных структур ряд функций сеока (рода) унаследовали генеалогические подразделения иного уровня — семья, фамилия, территориальное объединение. Но на протяжении многих веков тюркской истории род существовал как альтернатива формальных и недолговечных государственных объединений. Рассыпаясь, этнополитические объединения — от каганатов до Джунгарского ханства — оставляли после себя конгломерат родовых и родоплеменных групп, связанных родственными и культурными отношениями разной значимости. Впоследствии они послужили той базой, на основе которой формировались народности [Там же: 12–13].

Попытка примирить социальные и этнические факты вряд ли может считаться успешной, тем более что подобный подход конгломератного представления южносибирской истории и этнографии однажды уже был неудачно использован [Грум-Гржимайло 1909].

Следующим этапом в изучении социальной структуры хакасского общества стали работы В. Я. Бутанаева. На протяжении целого ряда лет В. Я. Бутанаев последовательно разрабатывал концепцию аальной общины как основного социоэкономического и социэтнического института традиционной культуры хакасов [Бутанаев 1987, 1988, 2004]. В. Я. Бутанаев дал следующую характеристику аальной общины:

Особенность аальной общины заключалась в том, что социально-экономическое ее расслоение уживалось с административно-родовой системой управления (до 1913 г.) и патриархальщиной. Производство и присвоение продуктов скотоводства носили индивидуальный характер, а перекочевки и пользование пастбищами строилось на общинном принципе. Значительные приаальные территории со временем перешли в руки баев, которые фактически встали во главе общины

в лице аалбазы. Однако еще сильны были коллективные традиции. Общинники обязаны были помогать друг другу в беде, защищать интересы соседей от нападения со стороны чужаков. В аальной общине противоречиво отражались сосуществование и переплетение различных общественно-экономических укладов [Бутанаев 2004: 58].

Кроме того, В. Я. Бутанаев выделил три основных типа общин XIX — начала XX в.:

- 1) селения, состоявшие из близких родственников и объединенные семейно-родственными отношениями;
- 2) селения из разнородного состава домохозяйств, объединенных соседско-производственными связями;
- 3) селения, возникшие на базе байского хозяйства с юртами работников [Бутанаев 2004: 51].

В начале XXI в. сельская (аальная) община хакасов не потеряла своего значения социального института, где воспроизводится и развивается традиционная культура хакасов. Концепция В. Я. Бутанаева открывает новые возможности в области как описательной, так и теоретической этнографии хакасов, продолжая отечественные научные традиции.

В связи с аальнообщинным подходом к изучению структуры хакасского общества важными становятся вопросы морфологического устройства аала и функциональной взаимосвязи различных его элементов. Так, предварительно можно выделить следующие обязательные инфраструктурные блоки или зоны хакасского аала:

- 1) зона проживания — место или места (сюда могли входить как зимники, так и летники), в пределах которых располагались жилые постройки и происходила основная социальная жизнь коллектива;
- 2) зона хозяйствования включала как зону проживания, так и всю округу (пастбища, покосы, пашни, ирригационные системы, дороги, тропы, мосты и охотничьи угодья), в пределах этой зоны протекала основная производственная деятельность коллектива;

3) сакральная зона включала места, где концентрировалась духовная жизнь аальной общины, сюда входили места проведения общественных молений и жертвоприношений, места поклонений и исполнения религиозного культа, церкви, а также кладбища и места отдельных захоронений (например, шаманов).

Первым обратил внимание на связь коммунальной социальной структуры и такого инфраструктурного элемента, как общее кладбище, Л. Г. Морган. В работе «Древнее общество» [Морган 1935], вышедшей в свет в 1877 г., он, перечисляя признаки рода, особо выделил наличие общего кладбища [Там же: 50–51]. Фокусируясь на клановой природе общего кладбища у ирокезов, Л. Г. Морган тем не менее привел много данных о наличии общих поселенческих кладбищ со смешанным (в клановом отношении) составом населения. Здесь же автор перечислил примеры подчинения и компромисса клановых структур в общей организации кладбища. Так, по свидетельствам, собранным Л. Г. Морганом, клановая организация в границах общего кладбища проявлялась в наличии отдельных рядов могил, принадлежавших тем или иным кланам [Там же: 50].

В отечественном сибиреведении морганистская концепция рода применительно к погребальному обряду использовалась достаточно широко. Однако в большей степени общее кладбище рассматривалось не как обязательный инфраструктурный элемент поселения, а как проявление родовой структуры общества. Так, Г. Н. Грачева в статье «Отражение хозяйственного и общественного укладов в погребениях народностей Севера Западной Сибири» поставила под сомнение концепцию родового кладбища [Грачева 1975: 126–142]. На широком этнографическом материале автор показала, что в основе идеи устройства кладбища лежит территориальный, а не родовой принцип:

По-видимому, можно связывать принадлежность кладбища или кладбищ, могильников или отдельных захоронений с той общностью людей, которая вела хозяйствование на данной территории. Это могли быть род, независимо от того, являлся ли он матрилокальным или патрилокальным, объединение родов, фрат-

рия, родовая община, большесемейная община, малая или большая семья и т.д., вплоть до поселкового кладбища.

Таким образом, общее кладбище нужно рассматривать как обязательный элемент инфраструктуры коммунальной общины в независимости от ее состава и происхождения. Коммунальная община — община живущих вместе — наряду с семьей является базовым элементом социальной организации традиционного общества.

Первые письменные свидетельства о расположении и устройстве хакасских аальных кладбищ появились в XVIII–XIX вв. Я. И. Линденау в описании татар, живших между Июсом и Томском, писал:

Покойников хоронили в специально для этого сделанных курганах — Seku. <...> Каждый род имел свой особый Seku [Линденау 1983: 147].

М. А. Кастрен, посетивший край в 1847 г., дал следующее описание качинских кладбищ:

Нынешние татары хоронят своих мертвых всегда на возвышенных местах и стараются, чтоб на общих кладбищах могильные насыпи находились в одной линии, а сами могилы копались в одном направлении — от востока к западу... [Кастрен 1999: 210].

В описании внешних черт быта качинских татар, вышедшем в 1884 г., И. Каратанов сообщал следующие сведения:

Для кладбищ избираются места на возвышенной степи, большей частью — на горах, если только есть поблизости горы [Каратанов 2010: 112].

В XVIII–XIX вв. внешний вид кладбищ отличался большим разнообразием. Так, для XVIII в. не зафиксировано традиции установ-

ления над могилой деревянного сруба. И. Г. Георги в своем «Описании народов» упоминает традицию установления срубов над могилами как исключительную специфику кладбищ томских татар:

*На могилы ставят они обыкновенно подобные из-
бам бревенчатые срубы: и потому кладбища их, кото-
рые по большей части бывают поблизости лесов, по-
ходят издали на деревни [Георги 1776: 35].*

Некоторые сведения об устройстве погребений и надмогильных сооружений сообщил Д. Г. Мессершмидт, посетивший край в 1721–1722 гг.:

*...они похоронили его на очень высокой горе и уста-
новили над могилой красный флаг [Мессершмидт 2012:
120].*

У предков хакасов известно два типа надмогильных сооружений: курган [Линденау 1983: 147] и могильный холм, обложенный камнем [Паллас 1788; Крашенинников 1966: 160]. Кроме этого, в горно-таежной местности у таких групп, как соянцы, бельтыры и бирюсы, было принято хоронить покойников на деревьях и по-мостах [Георги 1776: 175, 176].

В конце XIX в. внешний вид кладбищ существенно изменился. Традиция захоронения на деревьях продолжала существовать уже в виде редкого исключения [Спасский 1825]. Во второй половине XIX в. наряду с традиционными могилами, обложенными камнями, большое распространение получили бревенчатые срубы, установившиеся первоначально над могилами богатых [Каратанов 2010: 112], а к концу XIX в. — над могилами всех категорий населения [Майнагашев 1914]. Что касается географического распространения традиции установки сруба над могилами, в основном ее ареал находился на границе степи и тайги. Такие сооружения были известны и качинцам, и сагайцам, и кызыльцам. Общим элементом оформления надмогильных сооружений в XIX в. становится православный крест, постепенно заменяющий деревянные

шесты и вертикально поставленные камни у сагайцев, а также вывешенные шкуры забытых на поминках лошадей у качинцев. П. Островских привел описание внешнего вида качинского кладбища второй половины XIX в.:

Кладбища имеют оригинальный вид: в большинстве еле забросанные могилки с высунувшимися из-под земли колодинами или ящичками, кусками бересты, а в старых могилах даже с обнаруживающейся из-под гнилушек одеждой покойника, ютятся среди громадных древних курганов, могучих, долговечных. Тут же валяются остатки недавнего пиროвания: обглоданные кости, обломки посуды, куча жженных костей еще недавно резвого бегуна. Где стоит крест, сделанный самым примитивным образом, а где торчит жердь, украшенная конским черепом с обуглившимся позвоночником и иной раз с ключьями хвоста [Островских 1895: 346].

Ввиду важной роли кладбища как одного из элементов аальной — общинной — инфраструктуры автором в 2005–2015 гг. были изучены все современные действующие хакасские кладбища, а также некоторые заброшенные кладбища XVIII–XIX вв.

К вышеприведенным свидетельствам можно добавить результаты собственных наблюдений: кладбища хакасов располагаются на возвышенных местах, в предгорьях — на южных и юго-восточных склонах гор и холмов, в равнинной местности — на высоких речных террасах и на монументальных древних курганах. Общим правилом для расположения кладбища является широкая перспектива, открывающаяся на поселение и окружающее его пространство. Какой-либо закономерности в расположении кладбищ относительно реки или сторон света не прослеживается. Судя по топографии мест, изначально кладбища располагались с тыльной стороны поселений, вдали от основных путей коммуникаций. Большую роль в расположении кладбища играет специфика местного ландшафта. Далекое не всегда места, выбранные для кладбищ, можно считать самыми удобными для погребения, нередки случаи, когда

кладбище располагается на скальном выступе (например, кладбище села Аев в Аскизском районе). В таких местах могилы приходится вырубать в толще скалы, что, впрочем, не останавливает расширения кладбища.

В советское время строительство новых дорог, прокладывавшихся без учета местной смысловой топографии, приводило к ситуациям, когда кладбище оказывалось на въезде в село (например, кладбище села Усть-Камышта Аскизского района). Нередки случаи, когда в окрестностях одного поселения имеется не одно, а несколько кладбищ. Так, в селе Казановка Аскизского района до сих пор функционируют три разных кладбища, расположенных в окрестностях поселка. Другим примером можно считать два кладбища села Койбалы Бейского района. Как удалось выяснить, такие ситуации возникали, когда в одном поселке соединялись большие группы, ранее принадлежавшие к самостоятельным аальным общинам.

В ходе исследований было установлено, что трем типам аальной общины хакасов соответствовали три типа кладбищ: фамильное, байское и соседское.

Первый тип был распространен преимущественно в местности таежной и расположенной на границе тайги и степи. Его особенностями можно считать относительно небольшое количество захоронений (50–100), рядное расположение погребений, в котором запечатлена поколенческая структура коллектива, и отдельное детское кладбище, где хоронили детей, умерших в возрасте до 5–6 лет. Одно из таких кладбищ было исследовано С. Г. Скобелевым у г. Красноярска [Скобелев 1984: 160]. Такие кладбища просуществовали до начала XX в. В настоящее время данный тип общих захоронений существует в виде фамильных анклавов на общих кладбищах.

Второй тип — байское или семейное кладбище — характеризуется в первую очередь иерархической структурой, ядром которой являются погребения членов байской семьи, а на периферии располагаются захоронения приживальцев и работников. В составе такого кладбища редко насчитывается больше нескольких десятков могил. Этот тип кладбищ наименее распространен и полностью прекратил существование в начале XX в.

Третий тип — соседское кладбище — самый распространенный и сохранившийся до наших дней практически без изменений. Для него характерны рядная структура, в основе которой лежит хронологический принцип, и большое количество погребений — от нескольких сотен до тысяч. Помимо рядной структуры, на современных хакасских кладбищах можно наблюдать наличие фамильных анклавов — групп захоронений однофамильцев и родственников.

Что касается внешнего вида хакасского кладбища, то здесь можно проследить как общие черты, так и существенные различия в оформлении кладбищ у разных территориальных групп хакасов. Так, до второй половины XX в. не было традиции огораживания кладбищ. Начиная с середины XX в. общим правилом стала традиция огораживания могил, возникающая, вероятно, под влиянием русских. Общим для хакасских кладбищ является наличие у могил кострищ и специального столика из досок или камня для кормления покойника, а также запаса дров и особой посуды, из которой кормят и поят покойника. С середины XIX в. обязательным становится установление над могилой православного креста.

Надмогильные сооружения качинцев, сагайцев и кызыльцев имеют и существенные различия.

Сагайцы, населяющие южные районы Республики Хакасия, в основном оформляют могильный холм сплошной кладкой из плитняка или рваного камня (рис. 1). В «ногах» ставится деревянный крест для крещеных или столбик с оформленным навершием для некрещеных (как правило, детей), а в «головах» укладывается массивная плита или камень — стол для пищи покойника. Несмотря на общие черты в оформлении могил, каждому аальному кладбищу присущи оригинальные особенности. Некоторые кладбища различаются способом облицовки могильных холмов: кладка может быть горизонтальной, как, например, на кладбищах подтаежной зоны (рис. 2) (улус Кызлас Аскизского района) или вертикальной, как на кладбищах в долине рек Абакан и Аскиз (улус Полтаков, улус Онхаков, Верх-Аскиз Аскизского района). Другие разнятся по форме крестов и оград. На третьих обязательным элементом явля-

ется положенная поверх могилы массивная плита (рис. 3) с выбитыми Ф.И.О. покойного, годами его жизни и минималистическим рисунком в виде восходящего солнца (улус Онхаков Аскизского района).

Качинцы оформляют свои могилы преимущественно без использования камня, хотя и здесь есть исключения (например, улус Кобяков, Хызыл-аал Ширинского района) (рис. 4). По большей части надмогильные сооружения качинцев оформлены деревянными рамами, собранными из толстых плах или брусьев (рис. 5). В «ногах» устанавливается крест, в изголовье — низкий деревянный столик и колышек с треугольным выпилом на вершине (в долине реки Абакан) (рис. 6) или с развилкой (в долине рек Июс и Чулым). Такие колышки — вероятно, рудимент существовавшего в XIX в. обычая вывешивать над могилой конскую голову со шкурой. Наклонный шест, на котором вывешивалась шкура, опирался на такую подпорку с развилкой. Так же как и у сагайцев, у качинцев отдельные аальные кладбища отличаются оригинальностью, выражающейся в наборе способов оформления могил.

Кладбища кызыльцев, как и кладбища сагайцев и качинцев, отличаются оформлением надмогильных сооружений. На всех кызыльских кладбищах, обследованных в Орджоникидзевском районе Республики Хакасия, ведущим типом надмогильных сооружений были деревянные срубы, имитирующие домики с двускатными кровлями (рис. 7). Коньки таких домиков изредка были оформлены в виде лошадиных голов с зарубками, обозначавшими гриву. Изображение головы коня всегда располагалось со стороны изголовья могилы. Вероятно, у качинцев такие украшения наряду со столбиками и колышками свидетельствуют о существовавшем обычае накрывать могилу конской шкурой. Домики собраны из тонких бревен или толстых плах. Как у качинцев и сагайцев, в изголовье могилы устраивается поминальный столик. Как и среди других групп хакасов, индивидуализм отдельных кладбищ кызыльцев проявляется весьма отчетливо.

В ходе изучения хакасских кладбищ, были установлены определенные закономерности.

Рис. 1. Облицовка могильной насыпи плитняком (сагайцы).
Кладбище с. Онхаков, Аскизский район. Фото автора

Рис. 2. Традиционное оформление могильной насыпи (сагайцы).
Кладбище с. Кызлас, Аскизский район. Фото автора

Рис. 3. Надпись на могильной плите (сагайцы).
Кладбище с. Онхаков, Аскизский район. Фото автора

Рис. 4. Надмогильные сооружения из плитняка (июские качинцы).
Кладбище с. Кобяков, Ширинский район. Фото автора

Рис. 5. Традиционное оформление надмогильного сооружения (июсские качинцы). Кладбище с. Хызыл-Аал, Ширинский район. Фото автора

Рис. 6. Традиционное оформление могилы (абаканские качинцы). Кладбище с. Сартыков, Алтайский район. Фото автора

Рис. 7. Традиционное надмогильное сооружение в виде домика (кызыльцы).
Кладбище с. Агаскыр, Орджоникидзевский район. Фото автора

Во-первых, особенности устройства кладбищ соотносятся с ареалами распространения диалектов и говоров хакасского языка. Так, сагайский вариант полностью соответствует ареалу распространения сагайского диалекта хакасского языка, качинский — четырем подгруппам качинцев: абаканской, ширинской, енисейской и уйбатской, кызыльский — кызыльцам Ширинского и Орджоникидзевского районов Республики Хакасия.

Во-вторых, наиболее ярко особенности в устройстве кладбищ проявляются на границах диалектных групп или диалектных анклавов. Например, резкие различия во внешнем виде кладбищ наблюдаются в контактных зонах соприкосновения сагайцев и качинцев на реке Абакан и по берегам обоих Июсов, там, где качинцы соседствуют с кызыльцами. Аналогичная картина наблюдается и в тех местах, где хакасские анклавы оказались в тесном окружении русских поселений. Создается впечатление, что у людей, проживающих в общинах на границах ареалов, имеется насущная необходимость манифестировать свои этнические осо-

бенности. Пограничное положение, предполагающее постоянные контакты с представителями иной этнической традиции, по-видимому, обостряет осознание собственной идентичности и обуславливает потребность более четко транслировать ее окружающим.

В-третьих, чужеродные элементы, связанные с представителями других культур (в основном русской), ассимилируются и унифицируются в общинную традицию. Так, практически на любом хакасском кладбище есть погребения представителей русского этноса, как правило, могилы русских оформлены согласно местным обычаям. И только в редких случаях, когда на общинном хакасском кладбище русский компонент значителен, русские погребения образуют инокультурные анклавы, отличающиеся по своему оформлению от основной массы могил.

Понятие Родины для хакасов тождественно родному аалу. Именно здесь проходит черта, которая разделяет людей на своих и чужих. Это деление проявляется и в погребальном обряде. Так, часто от представителей традиционной культуры приходится слышать, что в том или ином селении хоронят не «так, как у нас». Такие пояснения в основном касаются исключительно внешней стороны обряда, при сохранении общей для всех хакасов содержательной части. Представляется, что принадлежность к конкретной аальной общине является сутью этнического самосознания хакасов. Так, на вопрос «Кто он?» представитель традиционной хакасской культуры (вне зависимости от того, сагаец он, качинец или кызылец) назовет свои имя, фамилию и обязательно уточнит место, где он родился и вырос. Связь с общиной, где человек родился и достиг зрелости, настолько сильна, что одним из стандартных пунктов завещания готовящегося к смерти человека является желание быть похороненным на кладбище родного селения.

В контексте тезиса об историчности сознания аальное кладбище хакасов выполняет важную роль, являясь ключевым элементом в осознании членами общины своей этничности и единства. Аальное кладбище — исторический мемориал общины, выражающий в доступных формах и образах историю конкретного коллектива — коммуны.

Каждый раз при посещении кладбища во время похорон или в дни поминовения умерших члены общины, собираясь вместе, осознают свое единство — их предки были погребены здесь, их родственники, друзья и знакомые похоронены рядом, и они упокоятся там же. Таким образом, аальное кладбище является местом, где соединяются прошлое, настоящее и будущее общины.

Литература

- Аристов 1896 — *Аристов Н. А.* Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. СПб., 1897. (Отт. из: Живая старина. 1896. Вып. 3–4).
- Бутанаев 1987 — *Бутанаев В. Я.* Социально-экономическая история хакасского аала (конец XIX — начало XX в.). Абакан: Краснояр. кн. изд-во, Хакас. отд., 1987. 175 с.
- Бутанаев 1988 — *Бутанаев В. Я.* Погребально-поминальные обряды хакасов в XIX — начале XX в. // Историко-культурные связи народов Южной Сибири. Абакан: УПП Хакасия, 1988. С. 107–132.
- Бутанаев 2004 — *Бутанаев В. Я.* Степные законы Хонгорая. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2004. 279 с.
- Георги 1776 — *Георги И. Г.* Описание всех в Российском государстве обитающих народов, так же их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. СПб.: ИАН, 1776. Ч. I. 178 с.
- Грачев 2009 — *Грачев И. А.* Погребальный обряд Енисейских кыргызов в IX–X вв. // Сибирский сборник–1. Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. СПб.: МАЭ РАН, 2009. Кн. I. С. 215–222.
- Грачев 2010 — *Грачев И. А.* Похоронные обряды хакасов в XVIII–XX вв. // От бытия к инобытию. СПб.: МАЭ РАН, 2010. С. 302–331.
- Грачева 1975 — *Грачева Г. Н.* Отражение хозяйственного и общественного укладов в погребениях народностей Севера Западной Сибири // Социальная история народов Азии. М.: Наука, 1975. С. 126–142.
- Грумм-Гржимайло — *Грумм-Гржимайло Г. Е.* Белокурая раса в Средней Азии // Сборник в честь 70-летия Г. Н. Потанина. СПб.: Тип. В. О. Киршбаума, 1909. С. 163–168.
- Долгих 1960 — *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М.: АН СССР, 1960. 624 с.
- Каратанов 2010 — *Каратанов И.* Черты внешнего быта качинских тагар // Живая старина–III. Книга для чтения по историческому краеведению (XIX — начало XX в.). Абакан, 2010. С. 101–126.

- Кастрен 1999 — *Кастрен М. А.* Путешествие в Сибирь. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. Т. II. 348 с.
- Катанов 1909 — *Катанов Н. Ф.* Предания присаянских племен о прежних делах и людях // Сборник в честь 70-летия Г. Н. Потанина. СПб.: Тип. В. О. Киршбаума, 1909. С. 265–288.
- Киселев 1933 — *Киселев С. В.* Разложение рода и феодализм на Енисее // Известия ГАИМК. Л., 1933. Вып. 65. 34 с.
- Козьмин 1925 — *Козьмин Н. Н.* Хакасы. Иркутск: Изд-во Иркут. науч. секции, 1925. 185 с.
- Костров 1852 — *Костров Н.* Качинские татары. Казань: Тип. Губерн. правления, 1852. 66 с.
- Крашенинников 1966 — С. П. Крашенинников в Сибири. Неопубликованные материалы. М.; Л.: Наука, 1966. 178 с.
- Лаппо 2010 — *Лаппо Д. Е.* Троеверы // Живая старина—III. Абакан, 2010. С. 141–173.
- Линденау 1983 — *Линденау Я. И.* Описание народов Сибири. Магадан: Магадан. кн. изд-во, 1983. 176 с.
- Майнагашев 1914 — *Майнагашев С. Д.* Отчет по поездке к турецким племенам Минусинского и Ачинского уездов Енисейской губернии летом 1914 г. СПб.: Тип. Российской Академии наук, 1914. (Отг. из: Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. Сер. 2. 1914. № 3).
- Мессершмидт 2010 — *Мессершмидт Д. Г.* Дневники Томск–Абакан–Красноярск. 1721–1722. Абакан: ООО «Кооператив «Журналист», 2012. 160 с.
- Миллер 2005 — *Миллер Г. Ф.* История Сибири: в 3 т. 2-е изд., доп. М.: Вост. лит., 2005. Т. III. 598 с.
- Морган 1935 — *Морган Л. Г.* Древнее общество. Л.: Изд-во Института народов Севера ЦИК СССРМ, 1935. 368 с.
- Островских 1895 — *Островских П.* Этнографические заметки о тюрках Минусинского края // Живая старина. СПб., 1895. Вып. III–IV. С. 297–348.
- Паллас 1773–1788 — *Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российского государства по повелению Санкт-Петербургской Императорской академии наук: в 3 ч. СПб.: ИАН, 1773–1788.
- Патканов 1912 — *Патканов С. К.* Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.): в 3 ч. СПб., 1912. Ч. III. (Зап. ИРГО по отделению статистики; Т. 11).
- Потапов 1932 — *Потапов Л. П.* Исторический путь Ойротии // СЭ. 1932. № 5–6. С. 55–87.

- Потапов 1948 — *Потапов Л. П.* Из поездки к «сагайцам» // Краткие сообщения Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. М.; Л., 1948. Вып. IV. С. 61–65.
- Потапов 1957 — *Потапов Л. П.* Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1957. 307 с.
- Сагалаев, Октябрьская 1990 — *Сагалаев А. М., Октябрьская И. В.* Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Новосибирск: Наука, 1990. 243 с.
- Скобелев 1984 — *Скобелев С. Г.* Детские погребения хакасов у г. Красноярска // Вопросы древней истории Южной Сибири. Абакан, 1984. С. 160–168.
- Спаский 1825 — Новейшие описания Великой Бухарии, составленные Г. Спаским // Азиатский вестник. СПб., 1825. Кн. 1–6.
- Татищев 1950 — *Татищев В. Н.* Избранные труды по географии России / под ред., вст. ст. и коммент. А. И. Андреева. М.: Географгиз, 1950. 248 с.
- Усманова 1980 — *Усманова М. С.* Похоронная обрядность. Хакасы // Семейная обрядность народов Сибири. М.: Наука, 1980. С. 108–113.